

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

И. Р. ГАЛЬПЕРИН

О ПОНЯТИЯХ «СТИЛЬ» И «СТИЛИСТИКА»

Прошло почти 20 лет с тех пор, как на страницах «Вопросов языкознания» была проведена дискуссия по проблемам лингвистической стилистики¹. Эта дискуссия, как и последовавшие за ней две конференции по стилистике — в Университете штата Индиана в 1958 г. и проведенная совместно Московским государственным педагогическим институтом иностранных языков, Институтом русского языка АН СССР и Институтом языкознания АН СССР в 1969 г., заметно оживили интерес к вопросам, выходящим за пределы формально-схематического анализа языковых фактов. Было высказано много интересных, иногда весьма противоречивых мыслей о содержании и методах стилистики, о связях ее с другими разделами науки о языке и смежными науками². Настало время еще раз поставить вопрос об основных проблемах лингвистической стилистики и попытаться обобщить накопленный опыт, уточнить объект науки лингвистической стилистики и описать пути, по которым идут исследования в этой области языкознания.

В последнее время в мировой лингвистике заметно усиление внимания к содержательной стороне языковых фактов. Гиперболизация формально-

¹ См.: ВЯ, 1954, 2—6 и 1955, 1.

² Из наиболее известных работ советских и зарубежных лингвистов можно назвать следующие: В. В. Виноградов, *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*, М., 1963; «Поэтика и стилистика русской литературы», сб. памяти академика В. В. Виноградова, Л., 1971; А. И. Ефимов, *Стилистика художественной речи*, М., 1957; И. Р. Гальперин, *Очерки по стилистике английского языка*, М., 1958; Ю. С. Степанов, *Французская стилистика*, М., 1965; E. Riesel, *Stilistik der deutschen Sprache*, М., 1959; Р. А. Будагов, *Литературные языки и языковые стили*, М., 1967; сб. «Развитие функциональных стилей современного русского языка», М., 1968; В. В. Виноградов, *Сюжет и стиль*, М., 1963; А. В. Федоров, *Язык и стиль художественного произведения*. М.—Л., 1963; сб. «Теория стиха», Л., 1968; «Проблемы лингвистической стилистики. Тезисы докладов», М., 1969; сб. «Вопросы языка современной русской литературы», М., 1971; сб. «Style in language», New York — London, 1960 (материалы конференции по лингвистической стилистике, проведенной в Университете штата Индиана в 1958 г., и среди них особенно: R. Jakobson, *Concluding statement: linguistics and poetics*); сб. «Essays on the language of literature», Boston, 1967; N. E. Enkvist, J. Spenser, M. J. Gregory, *Linguistics and style*, London, 1967; K. Hausenblas, *Zaklandí okruhy stylistické problematiky*, Praha, 1963; «Proceedings IX International congress of linguists», The Hague, 1964 (доклады по стилистике); «Actes du Xe Congrès international des linguistes», Bucarest, 1970 (доклады по стилистике); L. Doležel, *Vers la stylistique structurale*, «Travaux linguistiques de Prague», I, 1964; P. Jakobson, *Грамматика поэзии и поэзия грамматики*, сб. «Поэтика», Warszawa, 1961.

В 1967 г. в Америке начал издаваться журнал «Style», а в 1968 г. журнал «Language and style». В скором времени в Англии начнет выходить «Journal of literary semantics», в котором главным образом будут освещаться проблемы стилистики языка. Интересный сборник «Literary style: a symposium» (London—New York, 1971) содержит материалы симпозиума по стилистике, проходившего в Италии в августе 1969 г.

структурных особенностей языковых явлений, как известно, привела к недооценке плана содержания, а в крайних проявлениях — к полному его исключению из сферы лингвистики. Сейчас мы наблюдаем обратное. Содержательность микро- и макроязыковых единиц становится главным предметом наблюдения и выступает в ряде работ как ведущая, определяющая сторона и языка как системы и языка в действии. Примечательно в этом отношении замечание М. Халлидея: «Функциональная теория языка — это теория о значении, а не о словах или конструкциях»³.

Стилистика языка — наука, изучающая не только эффект речевого произведения, но и те приемы, которыми этот эффект достигается. Отсюда изучение средств языкового выражения, обеспечивающих прагматический аспект высказывания. Поэтому в сферу стилистических исследований входят как необходимый ингредиент не только онтология экспрессивно-эмоциональных средств языка, но также и способы их передачи. Таким образом, задачей стилистики в какой-то мере является изучение лингвистическими методами всего процесса коммуникации, состоящего, как известно, в порождении, передаче и восприятии сообщения. В терминах теории информации эту задачу можно было бы сформулировать следующим образом: получить такой код, который, будучи расшифрован, сообщал бы некоторую дополнительную (суперлинейную) информацию. Такая информация имеет целью вызвать желаемую реакцию получателя сообщения.

Лингвистика, изучающая единицы уровней структуры языка, в основном сосредоточивает свое внимание на формальных и смысловых характеристиках языковых единиц и, до некоторой степени, на их функционировании. Однако более глубокое проникновение в сущность языковых единиц, предполагающее учет их семантических свойств (включая их компонентный состав и их материальные характеристики), не всегда стоит в центре внимания исследователей⁴.

В области изучения лексики основное внимание главным образом уделяется устоявшейся смысловой структуре, классификациям слов, морфологической структуре слова, его традиционным сочетаниям, в то время как огромные потенциальные возможности, заложенные в природе этой основной единицы языка, остаются вне поля зрения исследователей. Слово не раз воспевалось поэтами и лингвистами. Уместно здесь привести высказывания и поэта и лингвиста, перекликающиеся между собой. Одно из стихотворения Маршака «Словарь» — «В подвалы слов не раз сойдет искусство, держа в руке свой потайной фонарь» и второе — замечание Ф. П. Филина — «Отдельное слово существует только в ряду других слов и в то же время оно является самим собой, оно не по в т о р и м о (разрядка наша. — И. Г.). Каждое слово — особый микромир, изучить тайны которого не только необходимо, но и поучительно»⁵.

Фонетические исследования тоже ограничиваются фактами, легко выделяемыми, так сказать, лежащими на поверхности явлений, игнорируя, к примеру, такие вопросы, как звуковые повторы, ритмическая организация высказывания, паралингвистические факты звучащей речи. Точно так же и в работах по морфологии редко можно найти анализ необычных сочетаний основы и аффикса, расширения смысловой структуры

³ М. А. К. H a l l i d a y, *Linguistic function and literary style*, «Literary style: a symposium», London — New York, 1971, стр. 337.

⁴ Многообещающим исключением можно признать некоторые работы последнего времени, в которых содержательной стороне единиц уделяется достойное внимание. См. в особенности: С. Д. К а ц н е л ь с о н, *Типология языка и речевое мышление*, Л., 1972 и W. C h a f e, *Meaning and the structure of language*, New York, 1971.

⁵ Ф. П. Ф и л и н, *О некоторых философских вопросах языкознания*, сб. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания», М., 1970, стр. 15.

морфа, самостоятельного функционирования словообразовательных морфем и пр. Что же касается синтаксиса, то здесь исследования до последнего времени в большинстве случаев ограничивались вопросами структуры предложения и словосочетания⁶. Лишь в самое последнее время единицы синтаксиса, получившие обобщенное название сверхфразовых единств, стали предметом изучения в синтаксических исследованиях. Все же эта проблема еще очень мало разработана и до сих пор остается «падчерицей» грамматики.

Какие же проблемы обычно относятся к компетенции стилистики языка? По моим наблюдениям, их пять. Первая — это общее понятие стиля и предмета стилистики; вторая — функциональные стили языка как разновидности литературного языка; третья — особые средства языка, «...которые, обладая особой стилистической окраской, противопоставлены звукам, формам и знакам с иной стилистической окраской»⁷ — иными словами, особые приемы комбинирования языковых средств, дающие дополнительную, суперлинейную информацию; четвертая проблема — индивидуальный стиль автора как особая комбинация языковых средств, характерная для данного писателя, и, наконец, пятая — особая форма коммуникации — поэтическая речь в ее формально-структурных и смысловых особенностях.

1. Наиболее разнохарактерным представляется понимание стиля языка, стилистических средств и стилистики как науки, изучающей эти явления. Есть мнение, что стилистики как отдельного раздела языкознания не существует. Согласно этой концепции стилистические средства представляют собой не что иное, как те же фонетические, морфологические, лексические и синтаксические средства, причем им отказывается даже в своеобразии их организации. «Двустороннее единство языка и мышления, — пишет Г. В. Колшанский, — означает прежде всего полное выражение содержания в форме языка и а б с о л ю т н у ю о д н о з н а ч н о с т ь (разрядка наша. — И. Г.) языковых форм при передаче того или иного конкретного содержания (с учетом всех факторов — лингвистических и экстралингвистических, преобразующих общую полисемию языковых форм в однозначные конкретные высказывания)». «...исследование структурной формы высказывания должно основываться на принципиальной равноценности всех средств (разрядка наша. — И. Г.), участвующих в образовании того или иного высказывания»⁸.

Очевидно, что «глобальный анализ структуры реализации мысли»⁹ может быть осуществлен только на основе дифференциации явлений, в противном случае понятие «глобальное» представляется как нерасчлененное, а не всеобщее. Что же касается «равноценности всех средств», то надо ли доказывать, что *голова и башка* или *я не виновата и не виновата я, не виновата!* — неравноценные средства?

Многие лингвисты рассматривают стилистику как область, в которой подвергается исследованию только язык художественной литературы, и даже считают ее особой областью, лишь косвенно связанной с лингвистикой¹⁰. Некоторые из них и многие другие исследователи, закономерно занимаясь вопросами отношения средств выражения к выражаемому содержанию, незаметно, но преднамеренно переключаются на проблемы

⁶ Это хорошо видно хотя бы на примере «Граматики современного русского литературного языка», М., 1970.

⁷ Г. О. Винокур, О задачах истории языка, «Уч. зап. МГПИ», 5, 1, 1941, стр. 18.

⁸ Г. В. Колшанский, Лингвистические основы анализа языкового стиля, Проблемы лингвистической стилистики. Тезисы докладов, М., 1969, стр. 65—66.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: «Literary style: a symposium», стр. IX—XV.

эстетико-познавательного характера. Понятие «стиль» берется чрезмерно широко и начинает захватывать психологию языка, прагматику, литературоведение и другие области знания, выходящие за пределы собственно лингвистики. Несколько варьируясь, эта концепция представлена в американской школе стилистики, которая в основном, исходя из теории бихевиоризма, рассматривает стиль как некую абстрактную категорию, несущую в себе черты индивидуальности, присущие отдельной личности.

Некоторые представители американской школы стилистики прекрасно отдают себе отчет в том, что термины «стиль» и «стилистика» многоаспектны. Так, С. Чэтмен в предисловии к сборнику «Literary style» пишет, что термин «стиль» в равной степени относится к своеобразию пользования языком индивидуума или группы индивидуумов; и к формализованным признакам определений группы текстов (включая поэтические); и к эмфатически повышенной выразительности высказывания; и к особым средствам украшения речи; и ко многим другим вопросам организации речи¹¹.

Изолированное наблюдение исследуемого явления для более глубокого проникновения в его сущность вполне правомерно само по себе. Беда в том, что иногда это ведет к абсолютизации и, в конечном счете, к фетишизации явления, которое берется при этом вне его связей с другими явлениями. Так, Л. Долежел и пражская школа стилистики, выдвигая на первый план понятие текста как связанного отрезка речи, требует независимой (autonomous) теории текста как основы стилистики¹². Согласно этому пониманию, стилистика главным образом должна заниматься разновидностями текстов, «произведенных» на одном и том же языке. Абсолютизация текста как связанного целого в отличие от набора предложений, не связанных между собой, характерна и для концепции М. А. Халлидея, который даже выделяет особую функцию языка — текстологическую¹³. Так же абсолютизирует звуковую сторону речи, разнообразие ее звучания И. Фонадь¹⁴.

Существует концепция неразличения нормы и стиля, уходящая своими корнями в односторонне утилитарную точку зрения. Стиль понимается как система правил, определяющая доступность и полное соответствие с установившимися нормами литературного языка. «Стилистика, — пишет А. М. Гвоздев, — имеет прикладной характер, обучая языковому мастерству, вырабатывая сознательное отношение к языку»¹⁵. В своей рецензии на эту работу В. В. Виноградов заметил, что автор смешивает стилистику с нормативной грамматикой. Особенно часто приходится встречаться с противоположным пониманием — стиль рассматривается как отклонение от нормы¹⁶. Почти всякое нарушение «правильности» рассматривается с этой точки зрения как стиль и, как это ни парадоксально, отклонения возводятся в ранг наиболее характерных черт стиля, определяющих его статус. Такое понимание стиля сводит на нет всякое представление о различии текстов, об индивидуальном употреблении средств

¹¹ Там же, стр. XI.

¹² L. Doležel, Toward a structural theory of content in prose fiction, «Literary style: a symposium», стр. 95 и сл.

¹³ M. A. K. Halliday, Language structure and language function, сб. «New horizons in linguistics», 1971, стр. 143.

¹⁴ I. Fonady, The functions of vocal style, «Literary style: a symposium», стр. 171.

¹⁵ А. М. Гвоздев, Очерки по стилистике русского языка, М., 1952, стр. 8.

¹⁶ См.: I. Rosengren, Style as choice and deviation, «Style», 6, 1, 1972; N. E. Enkvist, On the place of style in some linguistic theories, «Literary style: a symposium»; A. Hill, Some further thoughts on grammaticality and poetic language, «Style», 1, 2, 1967; S. Saporita, The application of linguistics to the study of poetic language, «Style in language», New York — London, 1960; R. Quirk, J. Svartvik, Investigating linguistic acceptability, The Hague, 1966.

языка, о коммуникативной функции языка и о прагматике языковых построений. Все сводится, в конечном итоге, к такой зашифровке сообщения, которая требует особых усилий для его декодирования, усилий иногда бесплодных¹⁷ и чаще всего вызывающих необходимость переосмысления грамматических характеристик и смыслового содержания компонентов словосочетаний и целых предложений.

Концепции «стиль как отклонение от нормы» противостоит концепция «стиль как отбор средств языкового выражения». Здесь в основу кладется принцип частотности употребления и связанный с ним вопрос о предсказуемости и вероятности. Сами средства, отбираемые в определенных целях сообщения, представляют собой некую систему, которая, к сожалению, пока конкретной характеристики в науке не получила. А ведь важно то, что предсказуемость определяется не системой, она является результатом наблюдения, предварительных знаний о характере текста или своеобразии слога писателя. Как и представители концепции «стиль как отклонение от нормы», приверженцы односторонней концепции «стиль — отбор средств», неизбежно сужая объект наблюдений, возводят отбор средств в определяющий признак понятия «стиль».

Среди других концепций следует еще выделить абсолютизацию прагматического подхода к проблеме стиля языка. При этом стиль языка рассматривается только в плане «эффекта сообщения»¹⁸. При такой постановке вопроса исчезает лингвистический аспект и наука приобретает явно психологическое направление. «Что» и «как», обеспечивающие желаемый «эффект сообщения», остаются вне поля зрения исследователя или, в лучшем случае, затрагиваются попутно.

Разноголосицу в определении исходного понятия можно показать на примере нескольких определений стиля из многочисленных работ по стилистике. «Стиль — это свойство языка точно передавать эмоции и мысли или систему эмоций и мыслей» (М. Маррей). «Стиль — это одна из соотносительных разновидностей ее (языковой системы. — И. Г.), характеризующихся индивидуальными своеобразиями экспрессивного отбора слов, фразеологии, синтаксических конструкций, иногда произношения и морфологических особенностей» (А. И. Ефимов). «Стилистику можно определить как теорию употребления языка в эстетических целях, включая и изучение результатов эстетического употребления языка» (В. де Гроот). «Стиль — это контекстуально ограниченная вариация языка» (Н. Э. Энkvист). «Стиль — это в основном процесс цитации, корпус формул, память (в почти кибернетическом смысле слова), культурное, а не эмоциональное наследие» (Р. Бартерс). «...стилистика оперирует суждениями оценочного характера» (А. Ж. Жуилан).

В нашей лингвистической литературе абстрактно-умозрительным рассуждениям о понятии «стиль» почти совсем нет места. Несмотря на закономерное и обязательное для развития науки некоторое расхождение во взглядах, в последнее время в нашей науке предмет стилистики более или менее определился. Его наиболее общая характеристика выводится из наблюдений над функционированием языковых элементов в связных отрезках речи, в котором проявляется характер отношений между ними и самая природа этих единиц. Уместно будет здесь напомнить слова

¹⁷ См., например, замечание составителя антологии современной английской поэзии К. Элота к стихам известного английского поэта В. Эмпсона: «Я выбрал стихи, которые я понимаю или думаю, что понимаю... Есть некоторые стихи, которые я совсем не могу понять» («The Penguin book of contemporary verse», selected by K. Allot, London, 1960, стр. 157).

¹⁸ См.: M. Riffaterre, The stylistic function, «Proceedings of the IXth International congress of linguists», The Hague, 1964, стр. 316—317.

К. Маркса о том, что «...свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении...»¹⁹. А так как употребление, в котором наиболее отчетливо обнаруживается определенная дополнительная стилистическая информация, всегда не безразлично к самой природе функционирующих единиц, то стилистика должна опираться на изучение природы этих единиц и их взаимоотношений с точки зрения их потенциальной информативности.

Лингвистическую стилистику можно определить как науку о природе особых маркированных элементов, особых сочетаний языковых единиц, способных сообщать дополнительную информацию к основному содержанию высказывания (текста), и об отношении одних средств выражения к другим в данном типе текста. Такое определение предмета стилистики и ее задач покрывает, по сути дела, основные области ее компетенции, а именно, установление стилистических приемов, их классификацию и употребление в разных текстах и системность функциональных стилей языка, которая, в конечном счете, выявляется в соотношении одних средств выражения с другими.

Сущность стилистического явления проявляется прежде всего в его отношении к другим явлениям, причем это отношение главным образом синтагматического плана. Возьмем для примера прием²⁰, известный под названием хиазма. Его сущность может проявиться только во взаимоотношении двух последовательно расположенных, смежных предложений. Оба предложения образуют некое единство, которое, будучи разложено на составные части, т. е. на два самостоятельных предложения, потеряет свою стилистическую значимость. Не требует доказательства тот факт, что так называемые тропы, т. е. такие стилистические приемы, которые основываются на семантике слова, тоже не могут быть реализованы вне связи с другими словами. Метафора, метонимия, ирония, оксиморон, эпитет — все проявляет свою стилистическую значимость только в плане синтагматики. Некоторые явления семасиологического порядка также могут возникать только в процессе столкновения одних единиц языка с другими. И метафора — это не перенесение значения с одного объекта действительности на другой, а отношение двух типов лексических значений — контекстуального и словарного, реализуемых одновременно в определенных сочетаниях²¹. В процессе частого употребления таких сочетаний контекстуальное может закрепиться за единицей языка и стать значением словарным. В этом случае метафора перестает быть стилистическим явлением и может быть воспринята лишь этимологически.

Одновременная реализация двух значений свойственна не только значениям лексическим. И значения грамматические проявляют такую способность в определенных условиях²². Так, например, риторический вопрос или литота — это не что иное, как отношение двух грамматических значений — утверждения и вопроса или утверждения и отрицания, реализуемых одновременно. Как в лексике, так и в грамматике такая одно-

¹⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., 23, стр. 67.

²⁰ Речь идет здесь о стилистическом приеме, а не об отдельных словах, так или иначе стилистически окрашенных или имеющих эмоциональное значение (типа *бабка*, *сыночек*, *лопать*, *хулиганье* и т. п.). Такие единицы являются уже фактами словарного состава языка, но и они в соответствующем окружении могут быть компонентами стилистического приема.

²¹ Подробнее см.: И. Р. Гальперин, Очерки по стилистике английского языка, стр. 127; е го ж е, *Stylistics*, Moscow, 1971, стр. 136 и сл.

²² См. интересную статью Е. И. Шендельс «Грамматическая метафора» (ФН, 1972, 3).

временная реализация двух значений опирается на нечто устоявшееся, что является как бы отправным моментом ее. В метафоре это основное, предметно-логическое значение слова во взаимодействии с контекстуальным, в риторическом вопросе — это значение вопросительного предложения во взаимодействии со значением утверждения, в литоте — это значение отрицания и значение утверждения, в антитезе — это два антонима, которые вовлекают в свои противительные отношения значения других слов в предложении. Это — онтологические свойства стилистических единиц, отличающие их от единиц других уровней.

2. Функциональные стили языка — обширная область наблюдений и исследований, в которую советская школа стилистики внесла существенный вклад.

Функциональный стиль языка — одна из разновидностей литературного языка, вызванная к жизни определенными потребностями общества в дифференциации форм языкового общения в связи с целью высказывания.

Расслоение литературного языка на функциональные стили непосредственно отражается в некоторых наиболее существенных проблемах социолингвистики. «Целесообразность коммуникации, — пишет В. Н. Ярцева, — вытекающая из потребностей общества на данном этапе его развития, является стимулом, который приводит к разграничению стилей речи, а средством их дифференциации служат различия в их отборе и комбинировании языковых фактов»²³.

Социальная обусловленность разновидностей литературного языка ясно проступает в самом термине «функциональный стиль», предложенном В. В. Виноградовым. Действительно, в основе стиля языка художественной литературы²⁴ лежит эстетико-познавательная функция, определяющая отбор языковых средств и их своеобразную комбинаторику. Основой стиля языка газеты является функция информации о событиях общественно-политической, культурной и производственной жизни. Функциональные стили языка деловых документов, научной прозы, публицистики имеют своей целью соответственно договоренность, доказательство, убеждение (пропаганду).

Определение основных, характерных черт и признаков каждого отдельного функционального стиля языка в их отличии от другого функционального стиля еще не дано с достаточной ясностью и четкостью. Отдельные работы по этому вопросу лишь выделяют то, что сразу бросается в глаза, лежит на поверхности явлений. Так, например, в определении характерных черт стиля научной прозы прежде всего указывается на терминологический аспект лексики и на строгую синтаксическую организацию высказывания, в которой преобладает гипотаксис над паратаксисом, а так называемая развернутость изложения выделяется как наиболее характерная черта этого стиля. В стиле языка художественной литературы ведущими признаками считаются образность изложения, несобственно-прямая речь как способ реалистического изображения мыслей и чувств героя, многообразие стилистических приемов в авторском тексте и некоторые другие. Стиль языка публицистики и стиль языка деловых документов тоже определяются по лежащим на поверхности фактам.

«Опыты показывают, что интуитивные представления о пяти или шести главных функциональных стилях современного русского литературного языка подтверждаются данными статистики. Вместе с тем становится

²³ В. Н. Ярцева, Шекспир и историческая стилистика, ФН, 1964, 1, стр. 34.

²⁴ Отнесение стиля языка художественной литературы к функциональным стилям представляется вполне правомерным. См. об этом также: Л. Д о л ж е л, Вероятностный подход к теории художественного стиля, ВЯ, 1964, 2.

очевидной неполнота и бедность привычных представлений о языковых стилях, в особенности об их структурных признаках и о линиях их различения и разграничения»²⁵. Недаром Ю. С. Сорокин считал возможным поставить под сомнение существование функциональных стилей языка из-за того, что многие характерные признаки одного стиля встречаются и в других²⁶.

Представляется целесообразным выделять стили языка не только по наиболее характерным и ведущим признакам, но и в каждом стиле по характеру взаимоотношений этих черт между собой, с одной стороны, и с нейтральными средствами, с другой. Например, отношение терминологической лексики и лексики нейтральной, сложноподчиненных предложений и предложений сочиненных, отношение образных средств языка к нейтральным и т. п. дает более объективную картину параметров стиля научной прозы, чем простое перечисление этих черт. Нарушение установленных отношений будет разрушать цельность данного стиля. Значительная роль в этом плане принадлежит статистическим методам²⁷.

Установление постоянных параметров каждого функционального стиля дает возможность абстрагировать данный стиль, представить его в виде конкретных правил употребления. В этой области действительно непочатый край работы. Стилистика русского языка до сих пор не имеет сведенного воедино, тщательно разработанного труда по функциональным стилям языка.

Становление и развитие стилей русского языка, равно как и стилей других развитых литературных языков, еще находится в стадии изучения²⁸. А ведь развитие литературного языка народа органически связано с развитием его стилей. В работах Р. А. Будагова, Г. В. Степанова, В. Н. Ярцевой и М. М. Гухман по романским и германским языкам и в работах В. В. Виноградова, А. И. Ефимова, Ф. П. Филина, Н. Ю. Шведовой, В. Д. Левина и др. по русскому языку можно найти много интересных данных о нормах литературного языка на каждой данной стадии его развития, об их закономерных изменениях, о борьбе различных направлений в установлении этих норм. Но и в этих и в других работах чаще всего представлены лишь отдельные очерки о возникновении того или иного стиля, его характерных чертах и области функционирования. В целом же эти вопросы можно решать только на основе выработанной теории организации высказывания.

Любой текст представляет собой ряд высказываний, в той или иной степени связанных между собой. В некоторых типах текстов смысловая связь отдельных высказываний, достаточно очевидная по самому содержанию компонентов, поддерживается еще и формально-грамматическими средствами. В других смысловая связь лишь угадывается и не поддерживается такими средствами. В третьем типе текстов смысловая связь вообще отсутствует, несмотря на наличие формально-грамматических средств связи. Такое противоречие между разрывом в плане содержания и связью в плане выражения иногда вызывает переосмысление характера отношений между отдельными смысловыми отрезками, и, в конечном итоге, намечает какие-то отдаленные смысловые связи.

²⁵ Б. Н. Головин, *Язык и статистика*, М., 1971, стр. 122.

²⁶ См.: Ю. С. Сорокин, К вопросу об основных понятиях стилистики, ВЯ, 1954, 2.

²⁷ См.: А. Я. Шайкевич, Опыт стилистического выделения функциональных стилей, ВЯ, 1968, 1.

²⁸ См. одну из немногих работ: О. А. Лаптева, Внутрестилевая эволюция современной русской научной прозы, сб. «Развитие функциональных стилей современного русского языка», М., 1968.

Не вызывает сомнения тот факт, что типы связей между отдельными высказываниями в тексте во многом зависят от цели сообщения и прагматической установки. А развернутость изложения, типичная для письменного варианта литературного языка, предусматривает доходчивость или, иначе, «обратную связь» сообщения. Там, где ясно очерчена цель сообщения, средства всегда могут быть подобраны так, чтобы цель была осуществлена. А так как функциональные стили языка прежде всего предопределяются целью, то и средства для достижения определенной цели в достаточной степени объективированы в каждом отдельном функциональном стиле.

Таким образом, функциональный стиль языка можно определить как систему взаимообусловленных средств языка, направленных на достижение определенной цели сообщения, причем характер взаимообусловленности этих средств является типичным только для данного конкретного типа сообщения.

Отработанная в процессе своего развития система таких средств становится в большей или меньшей степени автоматизированной и поэтому легко воспроизводимой. Чтобы убедиться в этом, достаточно увидеть, с какой легкостью обычно пишутся деловые справки, газетные заметки, приказы и пр. Даже в поэтических произведениях, которые характеризуются деавтоматизацией средств языкового выражения, тоже можно увидеть автоматизированный прием — ритм. Вообще всякая деавтоматизация возможна только на фоне полностью автоматизированных средств. Именно отработанная, автоматизированная система связей средств выражения лежит в основе почти немедленного распознавания типа текста, т. е. функционального стиля.

3. Проблема автоматизации средств выражения подводит к рассмотрению природы и характера функционирования языковых средств, участвующих в формировании того или иного стиля. Не подвергаются ли они каким-то изменениям, вступая в отношения взаимообусловленности в каждом данном стиле? Такие исследования составляют третье из названных нами направлений стилистических работ. В них содержатся в основном наблюдения над употреблением того или иного приема у отдельных авторов. К сожалению, пока еще нет работы, где показывалась бы в обобщенном виде вариантность стилистического приема. Для этого следует провести подробный сопоставительный анализ.

В последнее время многое уже сделано в этой области, хотя формула отношения средств выражения к выражаемому содержанию еще требует своего раскрытия. Представляется весьма актуальным создать обобщающее исследование по стилистическим приемам, где будут собраны наблюдения над их функционированием, прослежен характер их изменений в процессе развития литературного языка и выявлено национальное своеобразие применения того или иного стилистического приема в разных языках.

Наблюдения над функционированием стилистических приемов показывают, что оно ограничено их онтологическими характеристиками, которые еще недостаточно изучены. Значительную помощь в этом отношении могут оказать некоторые положения теории информации и в особенности теория кода, помех, избыточности и методов декодирования сообщения.

Стилистические приемы — основной инвентарь стилистики.

Стилистический прием можно определить как типизированное и целенаправленное обобщение, «сгущение» характерных признаков обобщения.

языковых выразительных средств (ср., например, стилистический прием сентенции, в основе которого лежат такие выразительные средства языка, как пословицы). Стилистические приемы являются абстракцией и могут быть моделированы в виде определенных схем и правил. Эти правила должны учитывать не только формально-структурную сторону приема, но и его содержательные признаки. Так, например, тот же прием хиазма может быть изображен правилом: $S + V + O$: $O_1 + V_1 + S_1$, где S — подлежащее, V — сказуемое, O — дополнение.

Но и здесь, где структурная характеристика превалирует, все же нужно дополнить правило содержательным моментом, а именно необходимо указать, что любой из членов инвертированной конструкции может повторить лексическое выражение соответствующего члена прямой и что в этом случае повтор не нарушит приема, хотя и придаст ему несколько иной смысловой оттенок.

Если дать правило применения приема развернутой метафоры, то оно должно быть сформулировано так, чтобы содержательная сторона была определена как ведущая, а формально-структурная дистрибуция компонентов сочетания, дающая двуплановый, контрапунктный эффект, — как подчиненный признак. Контрапунктный эффект, достигаемый многоплановой реализацией значений одного слова или смыслов двух речений, накладываемых одно на другое, или сосуществованием двух грамматических значений — одно из характерных свойств стилистического приема. В метафоре это свойство особенно заметно, но оно проявляется и в таких приемах, как перифраз, сентенция, аллюзия и других.

Подход к стилистическому приему как к представителю определенной группы стилистических средств позволит раскрыть их системный характер, их роль в системе языка.

4. Исследование языка автора или, вернее, индивидуального стиля писателя — пограничная область между литературоведением и лингвистикой. Однако каждая из этих наук, имея один и тот же предмет исследования, подходит к нему с разных сторон. Лингвиста прежде всего интересует своеобразие выбора языковых средств и системность такого своеобразия. Конечно, проблема индивидуального стиля писателя этим не ограничивается. Некоторые вопросы, выходящие за пределы чисто лингвистического анализа, все же в той или иной степени предопределяют выбор языковых средств. К ним, в частности, относятся композиция произведения, сюжет и способы его развертывания, литературная школа или направление, к которому принадлежит писатель, и многие другие. Эти вопросы — компетенция литературоведов; в исследованиях индивидуального стиля писателя, проводимых в лингвистическом плане, они могут занимать лишь подчиненное место. Лингвиста также интересует проблема литературной нормы, ее колебания, оправданные и неоправданные ее нарушения, границы этих нарушений или отступлений и ряд других вопросов, связанных с функционированием норм литературного языка данной эпохи.

Большинство работ по истории развития литературных языков разных народов основывается в значительной степени на изучении языка писателей. Само понятие литературного языка часто неправомерно сужается. Норма, как ведущий показатель литературного языка, рассматривается главным образом с морфологической и лексической сторон. Произношение и синтаксис с точки зрения их нормативов в большинстве работ как по истории русского литературного языка, так и по истории английского, французского, немецкого языков еще очень мало исследованы. Очевидно, что такое исследование, в особенности для ранних периодов становления литературных языков, может быть проведено лишь при обобщении ряда

фактов языка, представленных в произведениях разных писателей данного периода.

Не стесненные строгими канонами литературной нормы, писатели могут показать внутренние, лишь потенциально реализуемые возможности языковых единиц. Русская стилистика много сделала в этом отношении. Исследования языка Пушкина, Гоголя, Некрасова, Лермонтова, Салтыкова-Щедрина, Чернышевского, Достоевского, Толстого и других писателей не только раскрыли своеобразие их творческой манеры, но и пролили свет на возможные колебания литературной нормы.

Однако многое остается еще не сделанным. В большинстве этих работ имеется чрезвычайно интересный материал, который, к сожалению, еще недостаточно систематизирован и обобщен. Так, например, до сих пор не определена неповторимость образной системы у того или иного автора, ее отличие от образной системы других авторов той же эпохи, процесс формирования этой системы, отличие особенностей начальных периодов творчества от более зрелых и устоявшихся форм образности. Так же мало обобщены подчас тонкие наблюдения над особенностями употребления синтаксических конструкций у разных авторов, в разных жанрах художественной литературы.

Основное отличие стиля языка художественной литературы от других функциональных стилей заключается в деавтоматизации средств языкового выражения. Если языковые средства, которыми передается содержание высказываний стилей языка официального, газетного, научного, легко декодируются и поэтому в большей или меньшей степени предсказуемы, то средства языкового выражения в стиле языка художественной литературы останавливают внимание получателя информации своей оригинальностью, своеобразием, неповторимой системой взаимообусловленности. Конечно, не следует думать, что все средства деавтоматизированы. Это сделало бы сообщение трудно воспринимаемым, что, кстати говоря, характерно для ультрамодернистской поэзии. Деавтоматизация средств языкового выражения в стиле языка художественной литературы очень тесно переплетена с обычными автоматически декодируемыми средствами. Интересно отметить, что в трех разновидностях этого стиля, а именно поэзии, художественной прозе и драме, степень деавтоматизации различна. В поэзии эта степень очень высока и форма властно заявляет свои права на особое признание, которое появляется лишь после глубокого анализа ее содержательной стороны. В драме, основанной главным образом на звучащей речи — диалоге, степень деавтоматизации почти равна нулю. В художественной прозе она колеблется в зависимости от авторской манеры, его эстетического кредо, литературной школы, жанра. Но во всех разновидностях «своеобразие языка художественной литературы, неповторимая индивидуальность языка каждого крупного писателя никогда не уложится в художочные схемы „чистых“ отношений»²⁹.

5. Область стихосложения и, шире, поэтики часто рассматривается как самостоятельная дисциплина, не составляющая органическую часть ни теории литературы, ни лингвистики. Показательно в этом отношении название книги В. В. Виноградова: «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика». Не ставя себе задачей анализ этих трех понятий, должен, однако, заметить, что стилистика, если ее понимать как раздел языкознания, который рассматривает разные формы коммуникации, их дифференциальные признаки, не может исключить стихотворную речь из сферы своих наблюдений.

²⁹ Ф. П. Филин. О некоторых философских вопросах языкознания, сб. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания», М., 1970, стр. 15.

Исследованием стихотворной речи занимаются и литературоведы, и лингвисты, и математики, и психологи. Для каждой специальности в ней есть свой объект исследования. Ведущим признаком этого способа передачи сообщения является его звуковая организация — ритмическая основа³⁰.

В поэтике неизбежно затрагиваются как общие проблемы стилистики в их конкретном преломлении, так и специфические проблемы, вытекающие из особой природы стихотворной речи. К первым относится своеобразие, определяемое одним из ведущих признаков стихотворной речи — ее лаконичностью, сгущенной образностью. Краткость изложения, сжатость синтаксических конструкций, большая нагруженность высказывания образностью, которая тоже в значительной степени является функцией лаконичности изложения — все это предопределяет особое отношение средств выражения к их содержанию. Закодированность сообщения здесь несколько выходит за пределы обычного, шифр общеязыкового кода не всегда легко применим. Так, например, звуковая организация высказывания представляет собой очень сложную систему связей, которые лишь опосредованно могут быть поняты с точки зрения их отношения к содержанию. Что касается специфических проблем этой области, то они, главным образом, связаны со структурой ритмико-образующих факторов и разными системами ритмической организации высказывания.

Совершенно непонятно, почему проблемы стихосложения исключаются из языкознания. Ведь ритмическая организация речевого сообщения, как и всякая упорядоченная форма речевого потока, является лишь типизацией, высокой степенью обобщения заложенных в самом языке свойств. Такие понятия, как речевая группа, синтагма, кристаллизуются в нашем лингвистическом сознании не только как некие смысловые, но и как ритмико-интонационные единства. Более крупные отрезки речевого потока будут в разной степени подчинены и физиологическим предпосылкам говорения, которые по природе своей требуют ритмического упорядочения.

И тем не менее не только стихосложение, но и стилистика в целом до сих пор не получили официального признания как разделы науки о языке. Несмотря на огромное количество работ, имеющих как теоретическое, так и практическое значение для языкознания, стилистика остается «ничейной землей». Показательно, что даже в таком обобщающем труде, как три тома «Общего языкознания» под ред. Б. А. Серебренникова (М., 1970, 1972, 1973), в котором охвачены кардинальные проблемы этой науки, стилистике как разделу языкознания не нашлось места.

Названные проблемы говорят о настоятельной необходимости системного описания стилистических средств в их историческом развитии, а также выявления связей лингвистической стилистики с другими лингвистическими дисциплинами со смежными науками. Особое значение при этом могут приобрести перспективы применения компонентного анализа, которые, безусловно, шире прямых результатов лексикологических исследований.

³⁰ Интересный сборник статей по стихосложению выпущен Институтом русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) («Теория стиха», Л., 1968). В нем большое внимание уделено методам математической статистики, без помощи которой «...современная теория стиха не может обойтись» (стр. 5). [Статьи В. М. Жирмунского, В. Е. Холщевникова, М. Л. Гаспарова, А. Н. Колмогорова, В. В. Иванова и других внесли большой вклад в разработку методики анализа стихотворной речи. В статье В. М. Жирмунского, в которой частично критикуется книга Б. Унбегауна «Русское стихосложение», хорошо показана зависимость особенностей стиха от национальной специфики языкового материала.]